

О.Н. Фурдей

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ
УРОКИ ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

В данной работе обзорно анализируется проблемно-тематическое своеобразие литературно-критического наследия представителей «первой волны» эмиграции. Автор акцентирует внимание на различных вариантах отношения к действительности российской творческой интеллигенции эпохи «серебряного века». На примере творчества конкретных авторов показывается, что вопрос о месте и роли искусства в жизни общества является проекцией основного вопроса философии.

Фурдей Ольга Николаевна — канд. филол. наук, доцент кафедры теории журналистики факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

© 2007 г. О.Н. Фурдей

Социально-психологическая ситуация рубежа веков и современное состояние журналистики побуждают научную мысль, задаваясь существенными вопросами, с недоумением осматриваться вокруг. Для общественного сознания всегда было важно, чтобы прошлое и будущее каким-то образом состыковывались в настоящем.

Достаточно остро аналогичная задача стояла перед представителями «первой волны» русской эмиграции. Логика жизни поставила несколько поколений в ситуацию, когда было очень трудно примириться с реальной действительностью, потому что исторические ретроспектива и перспектива требовали чего-то иного. Принято считать, что кризисные ситуации активизируют деятельность общественного и индивидуального сознания и как результат этого наблюдается расцвет публицистики. Это правило работало на протяжении XX в. Сегодняшний день российской журналистики не позволяет сделать аналогичных выводов. Почему? Что-то случилось? С обществом или с личностью?

Порождением прошлого столетия стала «массовая» культура и «желтая» пресса. Только ли смена идеологического диктата экономическим тому виной? Пока историки отечественной журналистики пытаются «воссоздать правдивую картину исторического развития российской журналистики за 300 лет ее развития», освобождаясь от «плена догматических стереотипов, мифологизированных фактов в оценке роли той или иной личности в журналистике» [Овсепян, 2006], теоретики не спешат с выявлением первопричин подобного положения дел.

Идеологическая тенденциозность сменилась активным привлечением в теорию журналистики терминов и понятий из других областей знания. Пытаясь соотнести модные и старомодные понятия, авторы при этом сами резонно задаются вопросом: «Какой смысл имеют все эти теоретические «разборки» для практической журналистики?» [Кройчик, 2003]. Использование высоких информационных технологий вряд ли снимет этические, социальные и правовые проблемы, остро стоящие перед исторически сложившимся общественным институтом, коим являются СМИ.

Обиднее всего, что продолжается размежевание журналистики с филологией, которым на роду написано дополнять друг друга. Наиболее остро это чувствуется в области литературной критики. Но не все так безнадежно. Пусть «истории русской литературы как научной дисциплины, которая хоть в какой-то степени совпадала в своих основных аксиологических координатах с аксиологией объекта своего описания, пока еще не существует» [Есаулов, 1994], но прокладывает себе путь осознание негативного влияния этого фактора на ход литературного процесса. Заметим, что эта мысль распространяется и на историю журналистики.

От всех этих недугов есть, на наш взгляд, одно проверенное средство: обращение к традиции. Поиск ответов на многие подобные вопросы задавались и предыдущие поколения. Продуктивное освоение их практики может оказаться спасительным. Правда, если мы избавимся от очень распространенного в былые времена недуга, при котором увлечение творчеством отдельной личности приводит к утверждению ее культа.

Особый интерес в связи с этим представляет творчество писателей и критиков русского зарубежья (первой волны). Значение публицистического наследия русской эмиграции, являющего собой плод процесса самопознания интеллектуальной элиты русского общества, определяется не только своеобразием исторического момента, но и уникальностью ситуации: за пределами России оказалась Россия в миниатюре со всеми своими противоречиями и проблемами.

Литературно-критическая публицистика русского зарубежья все более привлекает к себе внимание не столько своеобразием личностей ее авторов и героев, сколько своим общетеоретическим потенциалом. Его использование поможет преодолеть несоответствие, существующее между феноменом и ноуменом культуры, которое очевидно на данном этапе развития общества.

В публицистическом творчестве известных писателей и поэтов, принадлежащих к разным поколениям, в трудах известных ученых (философов, историков, социологов) отразился портрет эпохи, разноликой и противоречивой. Многообразие вариантов взаимодействия социаль-

ной действительности с внутренним миром конкретной личности дает богатейший материал для размышлений и обобщений. Уникальный фактический материал рассматривается в них с разных точек зрения.

Осмысление литературно-критического наследия русского зарубежья осложняется несколькими обстоятельствами объективного и субъективного характера. Во-первых, затруднен доступ к первоисточникам; разбросанные по всему миру, писатели, поэты и критики публиковались в изданиях как известных, так и малоизвестных. Во-вторых, жизненный и творческий опыт поколения, пережившего революцию, даже сегодня трудно поддается деидеологизации, при этом эстетические иллюзии изживаются еще труднее политических. В-третьих, данный феномен (литературно-критическая публицистика русского зарубежья) находится на стыке двух областей знания (журналистики и литературоведения), что актуализирует проблему единой методологической базы. К сожалению, очень часто изучение одного и того же материала в различных научных ракурсах не состыковывается, что, на наш взгляд, свидетельствует об огрехах научно-методологических критериев на философском и социологическом уровнях.

Проблемно-тематическое единство литературно-критической публицистики русского зарубежья обеспечивается поиском ответа на «больной» для русского сознания вопрос о месте искусства в жизни и о правопреемстве русской классической традиции. Это обстоятельство провоцировало разного рода дискуссии по поводу деления русской литературы на два потока, бессмысленность которых по прошествии времени становится все очевиднее.

Вопрос об отношении к советской культуре, ставший во весь рост с первых дней существования эмиграции, не объединил ее. Одни (М. Слоним) признавали за советскими авторами право говорить от имени русского народа, другие, как В. Ходасевич, утверждали, что и в эмиграции можно сохранить дух нации. Тема России в разных ее проекциях становится основной в творчестве эмигрантов. Поиск точек опор в национальном самосознании поражает многообразием вариантов.

Для литературной критики основным остается вопрос о соотношении двух реальностей (объективной и субъективной). Художественное произведение невозможно изъять из контекста породившей его действительности. На рубеже XIX и XX столетий очень часто в сознании авторов и читателей при столкновении двух жизненных правд (реальной и отраженной) предпочтение отдавалось второй, что и становилось первопричиной жизненных трагедий и разочарований.

В творчестве Дм. Мережковского, З. Гиппиус, Г. Адамовича, В. Ходасевича, Г. Иванова и других критиков русского зарубежья мы найдем множество аргументов в пользу этого суждения, когда не

столько идеологические, сколько эстетические пристрастия мешали проявлению здравого смысла.

Ход литературного процесса, роль и место в нем различных течений, школ и направлений, а также интерпретация художественных миров различных авторов нашли отражение в литературно-критических работах известных философов (Н. Бердяева, И. Ильина, В. Ильина, С. Франка, Н. Лосского и других) и молодых авторов (например, Г. Газданова и В. Вейдле). Первым отделять зерна от плевел позволило обладание методологической базой (использованной в каждом случае по-разному); вторые принадлежали к другому поколению и имели за плечами совершенно иной жизненный опыт. Различные попытки разрешения мировоззренческой проблемы смысла жизни дали множество вариантов его литературного утверждения (в том числе и в критике).

В литературно-критических шедеврах русского зарубежья, будь это И. Ильин («Одинокий художник») или М. Цветаева («Кедр») мы видим отражение процесса гармонизации творческих поисков и общественных взаимоотношений человека и общества.

Важность наличия философского аспекта в литературно-критическом сочинении осознавалась и в Советской России. Дискуссии по важнейшим философско-мировоззренческим проблемам происходили в творческой среде как в 20-е, так и в 80-е гг. Например, журналом «Вопросы философии» в 1984 г. было организовано обсуждение темы «Литература и литературно-художественная критика в контексте философии и общественнознания». Для нас представляет интерес выступление Мераба Мамардашвили «Литературная критика как акт чтения» [Мамардашвили, 1992]. По мнению философа, чаще всего в реальной действительности мы имеем дело с двумя вариантами: «или человек убегает посредством книг от действительности, или книги дают ему путь в ней». Не трудно догадаться, какой из них является теоретически верным.

На чужбине русское искусство (и литература в первую очередь) стало нишей, позволявшей укрываться от бушующих в обществе ураганов и гроз. Немногие смогли устоять перед стихией и одержать творческую победу над обстоятельствами жизни.

Литературная критика в философском аспекте «есть лишь расширенный акт чтения». В связи с этим проблема места искусства в жизни является своего рода проекцией основного вопроса философии. «И литература — никакая не священная корова, а лишь один из духовных инструментов движения к тому, чтобы самому обнаружить себя в действительном испытании жизни, уникальном, которое испытал только ты, и кроме тебя и за тебя никто извлечь истину из этого испытания не сможет» [Мамардашвили, 1992].

Осознать это способен только человек, овладевший определенной гражданской грамотностью, способный мыслить социально. Перед каждым поколением стоит эта задача. И до тех пор пока человечество не научится извлекать смысл из пережитого, мало что изменится. Перед литературным критиком эту сложную задачу ставит профессиональная задача. Здесь мало одного умения извлекать социальный смысл из явлений действительности, здесь предстоит соотнести несколько вариантов его постижения и изложения. К сожалению, эта задача часто остается неразрешимой.

Единицы критиков русского зарубежья отличались высоким уровнем социальной грамотности, каким обладал Федор Степун, профессиональный философ и социолог. Описывая атмосферу жизни литературной элиты накануне революции, он сказал: «Будь этот эротически-мистический блуд только грехом эпохи, дело было бы не страшно. Страшно то, что он в известном смысле был и ее исповедничеством» [Степун, 1990].

Свойственный русской общественной мысли литературоцентризм в эмиграции проявился в полной мере, что сказалось на научном потенциале литературной критики. Для многих писателей и поэтов, как маститых, так и молодых, литература стала единственной ценностью и опорой, а не средством поиска истины.

Исключением из этого правила является творчество тех, для кого изгнанничество стало школой жизни, своего рода моментом обретения истины. К числу таких авторов принадлежат И. Шмелев, Б. Зайцев, Е. Кузьмина-Караваева (Мать Мария) и др. В их публицистике, в том числе и литературно-критической, нашла отражение эволюция мировосприятия.

По словам Н.А. Бердяева, «в русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира», «в самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью», все это делает русскую литературу православной даже тогда, когда сами писатели отступали от веры.

Особое место эта тема занимает в публицистическом творчестве философов, внесших существенный вклад в осмысление процессов как социального, так и психологического свойства. (В. Зеньковский, С. Франк, Н. Бердяев, Н.О. Лосский, С. Булгаков и др.)

Литературно-критическое наследие И.А. Ильина в этом ряду отличается целостностью и системностью. Сборник из серии «История эстетики в памятниках и документах», в котором приведены фрагменты далеко не из всех работ И.А. Ильина, касающихся культуры и художественного творчества, передает это.

Суждения И.А. Ильина о критике начинаются с обстоятельного рассуждения о технике чтения, дающей право на художественную

критику: «Читать — значит: верно и чутко воспринимать ткань слов (эстетическую материю), легко и покорно усваивать творческое видение художника (его эстетический акт), точно и легко воспринимать описываемые им картины внешнего и внутреннего мира (эстетические образы) и с духовной зоркостью проникать до того главного помысла, из которого рождено все произведение (до эстетического предмета) [Ильин, 1993].

Скрупулезность, с которой автор описывает этапы знакомства с художественным произведением, обусловлена тенденциозностью отечественной критики и желанием объяснить читателю критерии, с которыми Ильин-критик подходит к оценке произведений. Они основываются на традициях русского искусства: «Не стремись “учить”, навязывать готовые теории и доказывать или иллюстрировать их; не посягай на проповедь; стремись глубоко постигнуть и верно изобразить, а не подтвердить предвзятую доктрину; изображай, а не навязывай, и главное — не рассуждай вне образов; не принимай ни от кого, и даже от самого себя — никаких посторонних заданий; блюди тайну, свободу и неприкосновенность твоего художественного созерцания; пиши непреднамеренно, не нарочито, ни для чего иного, как только для искусства. И всегда вынашивай свой художественный предмет в последней глубине созерцающего сердца. Показывай мудрое, но не доказывай выдумки. И ты будешь верен классической традиции русского искусства» [Ильин, 1993].

Теоретические построения философа ценны тем, что они реализованы в его литературно-критической публицистике. Обосновывая право каждого художника по-своему видеть и внешний (материальный) мир и внутренний мир души и мир духовных исканий, критик на конкретных примерах показывает различные варианты реализации этого права: «Есть художественный акт обнаженного и кровоточащего сердца (Диккенс, Гофман, Достоевский, Шмелев); есть художественный акт замкнутой, в сухом калении перегорающей любви (Лермонтов); есть мастерство знойной и горькой, чувственной страсти (Мопассан, Бунин); а бывают и писатели, художественный акт которых проходит мимо человеческого чувствилища и его жизни (обычно Золя, часто Флобер, почти всегда Алданов) [Ильин, 1993].

Интересно сопоставить содержание лекций И. Ильина, посвященных русской поэзии, с которыми он выступал во второй половине 30-х гг. в Берлине, Риге и Цюрихе, с проблематикой аналогичных публикаций эмигрировавших поэтов. И.А. Ильин, воссоздавая атмосферу эпохи «серебряного века», делает акцент на характере взаимоотношений каждого поэта с действительностью, оценивает содержание художественного акта, не оскорбляя человеческого достоинства критикуемых авторов и не вдаваясь в биографические подробности их жизни.

Свою задачу критик видел в том, чтобы показать, как русская поэзия воспринимала Россию. Накануне революции поэты в основной своей массе не творили, а «предавались стихослагательству (талантливые импровизировали, подобно Бальмонту, бездарные — высиживали, подобно Брюсову). Они выдумывали «изыски», изобретали небывалое, старались, по меткому слову Ходасевича, «идти как можно быстрее и как можно дальше», считая, что поэту все позволено; и поэтому предавали поэзию насилию и поруганию. И почти все не умели различать добро и зло» [Ильин, 1993].

Целостное религиозное мировоззрение позволяет И.А. Ильину приводить свои суждения в систему, проникая в суть процессов как социального, так и духовного порядка. При этом он не выбирает тем: пишет о политике и религии, о классической и современной культуре. Соотношение анализа конкретных произведений с суждениями общего характера диктуется конкретной задачей. В результате публицистическое творчество И. Ильина поражает жанровым диапазоном: от романа в письмах до эссе.

Эссе «Одинокий художник» является теоретической жемчужиной в ряду литературно-критических выступлений Ильина. Мощнейший теоретический потенциал автор употребил здесь исключительно для того, чтобы утешить непонятого творца: «Художественное одиночество величаво и священно тогда, когда поэт творит из подлинного созерцания, недоступного по своей энергии, чистоте или глубине его современникам. Быть может, воображение его слишком утонченно, духовно и неосязуемо. Быть может, сердце его слишком нежно, страстно и трепетно. Или — воля его непомерно сильна и неумолима в своем законодательстве. Или — мысль его более мудра и отрешенна, чем это по силам его современникам. Внять голосу молящегося художника — не может поколение, предающееся холодному безбожию мещанства или неистовому безбожию большевизма» [Ильин, 1993].

Литературоведческая проблематика в трудах И.А. Ильина сопряжена с философским анализом сложнейших проблем познания и самопознания, а также путей возникновения и разрешения социальных конфликтов. В работе «О сопротивлении злу силою» обстоятельно рассуждает об истинной природе добра и зла, критикует Л.Н. Толстого и его последователей, вскрывает причины их заблуждений.

Полемика, разворачивающаяся вокруг этой и других работ И.А. Ильина, каждый раз свидетельствовала о том, что автор попадал в самые болевые точки русского общественного сознания.

Поставив во главу угла исследование духовного мира творческой личности, критика русского зарубежья развела понятия творческого потенциала автора и его биографии. Задаваясь в 1933 году целью рассмотрения религиозного сознания Пушкина, С.Л. Франк связывал эту

важнейшую тему с проблемой русского национального самосознания в целом. Перечитывая русскую классику вдали от Родины, русские мыслители преодолевают классовый подход к ее истолкованию.

Русская литературная критика XX столетия прошла сложный путь развития, уникальные страницы в ее антологию, которую еще предстоит собрать, вписаны представителями русского зарубежья. Особым научным потенциалом обладают литературоведческие труды русских религиозных мыслителей. Неоценим их вклад в описание законов внутренней жизни человека, в интерпретацию их проявления в художественном творчестве.

Особый интерес представляет сравнительный анализ представлений разных критиков, например И.Ильина и Дм. Мережковского. Сопоставление критических систем двух талантливых, но очень разных критиков позволит, на наш взгляд, извлечь главный урок литературной критики русского зарубежья: в искусстве очень легко происходит подмена истинного фальшивым.

Как избежать этого? И.Ильин дает критикам следующий совет: «Воспринимая произведения искусства, не надо прислушиваться к себе, своим душевным состояниям, настроениям и “приятностям”, требуя отдыха, развлечения, занятости или удовольствия! Так живет толпа: она требует игрищ и зрелищ, чтобы потешаться, хохотать или рычать. Истинное искусство зовет к иному: оно требует духовной сосредоточенности, духовных усилий, очищения, углубления; и обещает за это прозрение, мудрость и радость» [Ильин, 1996].

Потенциал литературно-критической публицистики «первой волны» русского зарубежья (в освоении которой начался новый этап — введение ее в общий поток русской культуры) кажется неисчерпаемым. Все будет зависеть от того, какими учениками окажутся восприимчивы традиций русской классической литературы и журналистики.

Изучение литературно-критической публицистики русского зарубежья продуктивно как с теоретической точки зрения, так и с практической. Занятия в школе литературно-критического мастерства известных и неизвестных критиков русского зарубежья доступны всем желающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Есаулов И.А.* Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 382.
2. *Ильин И.А.* Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. М., 1993. С. 24, 38, 225–224, 227.

3. *Ильин И.А.* Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6, кн. 1. М., 1996. С. 77.
4. *Кройчик Л.Е.* Публицистический текст как дискурс // Акценты. Новое в массовой коммуникации: Альманах. Воронеж, 2003. Вып. 3–4. С. 9.
5. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 162.
6. *Овсеян Р.П.* О расширении объекта изучения истории отечественной журналистики XX века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 81.
7. *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Overseas Publications Interchange Ltd. London. 1990. С. 318.